

Оглавление

ОЗЕРО БОХИНЬ. Словения, сентябрь 2018	7
РЕКА ВОЛГА. Старый Белый Яр, СССР	16
ОЗЕРО БОХИНЬ. Словения, сентябрь 2018	21
РЕКА ВОЛГА. Старый Белый Яр, СССР, маме — двадцать один.	30
ОЗЕРО ЭККЕН. Штутгарт, Германия, весна за два года до озера Бохинь	35
ВОЛГА.	41
ОЗЕРО БОХИНЬ. Словения, сентябрь 2018	43
РЕКА ЛЮБЛЯНИЦА. Любляна, Словения, за неделю до озера Бохинь	48
РЕКА ВОЛГА. Ульяновская область, СССР, мне лет семь.	63
НЕРЁЙ-ФЬОРД. Норвегия, лето за два года до озера Бохинь ..	67
РЕКА ВОЛГА. Старый Белый Яр, Ульяновская область, СССР, мне лет двенадцать.	78
ОЗЕРО БОХИНЬ. Словения, сентябрь 2018	85
РЕКА ШПРЕ. Берлин, Германия, за два месяца до озера Бохинь	89
ОЗЕРО БОХИНЬ. Словения, сентябрь 2018	110
СВАИ. Ульяновск, СССР, мне лет шесть.	123
ОЗЕРО БОХИНЬ. Словения, сентябрь 2018	127
МОРЕ СЕВЕРНОЕ. Схевенинген, Нидерланды, весна за год до озера Бохинь	148
РАВНИНА	158
ОЗЕРО БОХИНЬ. Словения, сентябрь 2018	169
СНЕГ.	180

МОРЕ БАЛТИЙСКОЕ. Вентспилс, Латвия, весна за год до озера Бохинь	183
ОЗЕРО БОХИНЬ. Словения, сентябрь 2018	197
РЕКА УЭНСУМ. Норидж, Великобритания, осень за два года до озера Бохинь	202
ОЗЕРО БОХИНЬ. Словения, сентябрь 2018	213
ГРАНД-КАНАЛ. Венеция, Италия, осень за год до озера Бохинь	219
ОЗЕРО БОХИНЬ. Словения, сентябрь 2018	233
РЕЧКА. Ульяновская область, Россия, за восемь лет до озера Бохинь, тот день.	242
ОЗЕРО БОХИНЬ. Словения, сентябрь 2018	250
РЕКА ВОЛГА. Ульяновская область, Россия, за семь лет до озера Бохинь	258
РЕКА ТУРИЯ. Валенсия, Испания, за полтора месяца до озера Бохинь	264
ОКЕАН АТЛАНТИЧЕСКИЙ. Лагуш, Португалия, за месяц до озера Бохинь	270
МОРЕ ЯПОНСКОЕ. Владивосток, Россия, мыс Тобизина, до всего	281
ВОЛГА	296
ОЗЕРО БОХИНЬ. Словения, сентябрь 2018	298
МОРЕ БАЛТИЙСКОЕ. Бинц, остров Рюген, Германия, декабрь за год до озера Бохинь.	308
ОЗЕРО БОХИНЬ. Словения, сентябрь 2018	324
РЕКА ВОЛГА. Ульяновская область, весна за семь лет до озера Бохинь.	340
ОЗЕРО БОХИНЬ. Словения, сентябрь 2018	346
Комментарии	357

озеро Бохинь

Словения, сентябрь 2018

ТОГО БЕРЕГА НЕТ, ПОКА СТОИШЬ НА ЭТОМ.
У озера же берег — только один; ещё каких-то несколько часов, и он закончится.

Рюкзак, полный костей, оттягивает плечи. Они карабкаются, бегают, плавают и орут за моей спиной.

— Простите, но мы в грязной одежде не пускаем.

Официант кафе перегораживает вход.

После ужаса на небоскрёбе в Любляне забыла переодеть майку. Снимаю, бросаю в урну, захожу и сажусь за стол у окна. Он шатается. Пахнет кофе, но кофе не несут. Пара справа рассматривает мой спортивный лиф.

Официант приносит стакан воды, из его левого уха выпадает наушник.

— Можешь шевелиться быстрее? Где мой кофе?

— Вы ждёте всего пять минут; у нас очередь.

Его наушник грохочет.

— Что за дерьмо ты там слушаешь?

Вставляю наушник себе в ухо, он ещё тёплый. Официант вырывает его, вытирает майкой и сует в карман.

— Включи хоть какую-то музыку.

Люди в очереди оборачиваются и смотрят на нас.

— Наши гости предпочитают тишину.

— Поэтому ты врубил этот метал в ухе?

— Говорите тише, пожалуйста.

Пыльное пианино в углу зала — ещё один гость, которого в этом кафе явно игнорируют. То ли инструмент не настроен, то ли мои пальцы вспотели, но звук идёт рыхлый.

— В таких местах должен звучать Рахманинов.

Очередь уставилась на меня так, будто слышит Рахманинова впервые.

Кофе здесь никогда не принесут. Надо идти к озеру, пока меня снова не вывернуло на чей-то стол.

За пять евро официант соглашается отдать мне свою серую майку. Ему приходится надеть фартук на голый торс. Майка мне велика, но потом не несёт — уже хорошо.

Вода везде напоминает воду в других местах. Эта вода озера Бохинь в правом ухе Словении — та же, что и в Волге, у которой я росла. Но я не умею ходить вокруг озера — только вдоль реки.

— У каждого словенца — два сантиметра морского берега, — рассказывает гид паре американцев, идущих передо мной. — Всего два, представляете? Наше насе-

ление — два миллиона, длина морской полосы — чуть больше сорока шести километров. Два сантиметра берега на человека. Периметр озера Бохинь, самого большого в Словении, — около двенадцати километров, вы обойдёте его за три-четыре часа.

Я родилась и выросла на равнине. Словения, где горы и нагорья занимают почти 80% территории, а две трети людей живут в гористой местности, — подходящее место, чтобы переждать саму себя. За горами ничего не видно, никакого другого мира.

Словения — комната в огромном доме, от которой давно потеряли ключи. Прохожий дёргает дверь, а когда та не поддаётся — не настаивает и идёт дальше. Он слышал, что в этой комнате хозяин хранит самые ценные вещи и никому их не показывает. Поговаривают, хозяин выбросил ключи от двери в реку, но местные водолазы три раза обследовали дно — и ничего не нашли.

В девятнадцати километрах отсюда — самая высокая гора страны, Триглав. Её три головы на тебя не только смотрят, но и видят — их взглядам препятствий нет. Словенцы говорят: если подняться на высоту тысячи метров над уровнем моря, прощаются все грехи. Если же смог подняться на Триглав, на 2864 метра, — ты настоящий словенец. В XVIII веке четверо из бохиньских мест взойшли на Триглав — задолго до того, как человек покорил Монблан и Маттерхорн.*

Наверху по горным тропам карабкаются не спеша. «Чтобы понять словенца, не надо учить язык — нужно

учиться хайкингу», — сказал мне в автобусе по дороге сюда житель Любляны. По-словенски «спина» звучит как «hrbet», а «холм» как «hrīb». Холм — часть тела словенца. Из этого хребта он состоит, им и держится. Местные размахивают палками для ходьбы, как оружием; ни одна вершина не устоит. В горах найдётся препятствие для каждого: выбираешь преграду по себе — и преодолеваешь. Выбираешь препятствие сложнее, преодолеваешь и его, даже не издав победного крика, а просто выпив банку радлера* на вершине и спустившись, молча, никому не говоря о завоевании новой земли. Тихие рыцари с салюки* на поводке. Зачем словенцам фуникулёры? Видимо, для туристов, которые привыкли ходить по равнинам.

Шаг в горах сдержан, как песни Владо Креслина*. Забравшись на холм, словенцы хотят одного — чтобы их не трогали. Равнина напоминает консерваторов, горы — левых, но крика в горной стране не слышно. Немота здесь — единственный способ жить, оттого шаг становится неслышным. Как не слышно прозрачного движения жившего здесь ледника.

В горах голос не нужен, чтобы говорить. В горах голос нужен, чтобы не потеряться.

Гораздо нужнее в вертикальном образе жизни крепкий вестибулярный аппарат, который у равнинного жителя подчас слабее. От простора на равнине начинаются шатания, свойственные горизонтальному образу жизни. А в горах особо не расшатаешься — все выходы

перекрыты холмами. Это равнинцам надо держаться, чтобы ветром не унесло то вправо, то влево, и фокусировать взгляд перед собой, дабы ненароком не свернуть. Цели не видно далеко вперёд — остановиться негде — идёшь, не зная куда, особенно если хочешь найти то, не зная что.

Половина пассажиров автобуса из Любляны сворачивают от озера Бохинь направо — в сторону Старой Фужины, недалеко от которой начинаются маршруты восхождения на Триглав. Я на гору забраться никогда не хотела. Не за этим сюда приехала.

— Наконец-то! — звонит мама. — Три раза набирала. Меня Фёдор атаковал. Опять просит продать отцовскую удочку. Любые деньги, говорит, отдам. Но я ему снова сказала, что ты не хочешь. Теперь тебе будет названивать. Эту удочку мыши в сарае сгрызут.

— Она в чехле, не сгрызут.

— Зачем она тебе? Ты же ненавидишь рыбалку. Пусть бы его друг пользовался.

— Караванщики не звонили? Они едут в этом году?

— Не звонили.

— Я бы после такого тебе тоже не позвонила. Позвони сама.

— Не хотят меня видеть — не надо. Всё равно ехать не на чем. Ключа-то нет от гаража.

— Mam, уже семь лет прошло.

— Я же говорила: не знаю, где ключ.

— И когда ты его уже найдёшь?

— А когда ты уже бросишь эту идиотскую затею? Мотаешься по свету, как говно в проруби. Видишь же, что всё без толку. Столько времени зря тратишь. Недаром почти десятимесячной родилась — пока раскачаешься, три года пройдёт.

— В этот раз получится.

— Такая же упёртая, как твой отец. Дурная голова ногам покоя не даёт! Скорми эту дрянь бездомным псам — и всё. В Словении есть уличные собаки? Представляешь, скунс пропал!

— Какой скунс?

— Ты меня никогда не слушаешь, я же тебе рассказывала! Там разные веб-камеры по всему миру, смотрю на кормушку в штате Огайо. Кролик приходит, скунс и опоссум. Американские ноги приходят их кормить, насыпают корм, а они жрут. Волосатые ноги. Иногда в шортах, иногда в джинсах. Жилистые такие. Скунс уже неделю не приходил! Наверное, перешёл на подножный корм. Зато опоссум жрёт как не в себя. Несколько раз в день прибегает. Еноты тоже наглые. Приходят сразу по трое, всех разгоняют и наяривают.

— У тебя ёж под домом живёт, а ты за скунсами штата Огайо смотришь.

— Ёж? Не видела...

— Конечно, если из дома не выходить!

— Как это не выхожу, если туалет на улице?

— Ты хоть квартиру в город ездила проверить?

— Ездила. Опять звонили оконщики. Я их послала. Какое их собачье дело, что у меня у одной деревянные окна стоят во всём доме? Не хочу я их пластик ставить. Ещё раз позвонят — в прокуратуру пожалуюсь!

...Вода в Бохине делает форель, уток, плавающих у берега, и камни на дне озера — стеклянными; бесцветная полоска воды у берега переходит в линию с зелёным отливом, движется — в ярко-голубую, пока не застывает в глубоком синем цвете. И в этом дневном крупном свете — горы теперь не над, а под водой.

Достаю из рюкзака маркер и по традиции пишу на плоском камне номер телефона с пометкой WhatsApp. Личный номер светить не хочу, поэтому использую мой рабочий. Я оставляла его у рек и морей двадцати четырёх стран, но никто так и не написал. Пусть теперь лежит на берегу Бохиня, рядом с мостом, у красного цветка, название которого мне неизвестно. Номер удалось написать крупно — не пришлось мельчить, как с камнем на соседнем озере Блед, куда меня несколько дней назад шеф отправил на интервью. Блед я обойти не успела, но Бохинь сегодня — обойду; после того ужаса на крыше в Любляне назад пути нет.

Здесь гораздо тише, чем на Бледи. Там больше голосов туристов, тут — словенской речи.

Сапсёрфер в голубых шортах отталкивается от берега, никак не может оторваться. Человек пришвартован к берегу древней силой, на преодоление которой тра-

тятся целые жизни. Но вот ещё одно движение — и сапсёрфер наконец удаляется от берега, победно устраиваясь в равновесии.

— У вас из рюкзака капает, — оборачивается обогнавший меня парень.

Вода вытекает из плохо закрытой бутылки, вещи в рюкзаке промокли. Выкладываю кости на солнце, чтобы просушить.

Часть ребра свиньи.

Кость из грудки индейки.

Скелет окуня с головой, замотанный изолентой.

Часть трубчатой коровьей кости.

Голова перепёлки.

Остатки скелета трески.

Кости из крыла курицы.

Скелет леща без головы.

Позвоночник скумбрии.

Кость из куриной грудки.

Бедренная кость индейки.

Голова щуки.

Двенадцать.

Если бы я с детства складывала все обглоданные кости в мешок, не смогла бы унести его на плечах — целое стадо рыб, зверей и птиц.

Не отвертеться мне от такого пастушества, пасти и пасти моё личное стадо.

Это прозрачное стадо ходит за человеком всю жизнь, растёт за ним. Иногда слышишь незнакомые звуки за спиной, оборачиваешься, — но ничего не находишь.

По ночам стадо ложится рядом с постелью своего пастуха и будит его раньше рассвета.

Переворачиваю кости и сравниваю их со своими, хотя собственных никогда не видела. Вряд ли они отличаются.

Рыбьи кости уже переломались, пока я возила их из страны в страну. Взвесь на дне мешка тяжелеет. Ну и вонь. Сколько ни обрабатывай, запах остаётся. Мне кажется, я уже и сама так пахну. Всё меньше кости походят на скелеты, всё больше — на раскрошившиеся археологические находки. За нами стоят разворошённые курганы, пыль с которых перелетает с континента на континент.

Скорее обойти озеро. Идти быстрее. Ещё быстрее.
